

Сергей Бабаев

ПАМЯТЬ ГОРОДА

Очерки о Комсомольске

*Кириллу, Юле, Владу
с любовью*

От автора

У каждого города есть своя память. Это события, памятные даты и люди. Каждый человек оставляет о себе память. Светлую или темную, длинную или короткую. Города хранят память о людях строивших их, работавших в них, живших в них. Пока живет город будет жить память о его людях.

Я родился и всю жизнь прожил в Комсомольске-на-Амуре. Но получилось так, что наш сын живет и работает в другом городе. И дети наших друзей, уехали и живут не то, что в другом городе, но и в другой стране. Наверное это правильно. Молодые должны ездить, смотреть, узнавать мир. Они не забывают о своем городе. Однажды наши друзья передали просьбу своих детей: подобрать для них книги о Комсомольске, но желательно в электронном варианте. В электронном, так в электронном... Но оказалось, что это не такое простое дело. Не нашел я книг о нашем городе в том варианте, в каком уже привыкли читать наши дети.

И тогда я дерзнул сделать пусть и небольшую, но свою книгу. Когда-то, в пору моей молодости, я увлекался писательским трудом. Поднял свои рукописи, прочитал их заново и отобрал то, что может быть интересно и сыну и детям наших друзей. Был соблазн, переделать написанное, учитывая день сегодняшней. Но потом решил, что делать этого не стоит. Все это было написано в советское время, когда мы жили в великом государстве под названием Советский Союз. И мы гордились своим государством. Возможно сейчас это звучит излишне пафосно, но это так. И все, что я предлагаю в этом сборнике написано от сердца, с любовью к своей стране, своему городу и его людям.

ПЕРВЫЙ ГОД

Иосиф Каттель

Осень 1981 года. Подмосковный Дом ветеранов партии. В одной из комнат на кровати лежит старик. Широкий лоб, большой горбатый нос и изрезанные морщинами щеки покрыты крупными горошинами пота. Сухие с узлами вен руки крепко сжимают край одеяла. Временами по лицу пробегает судорога, тяжелое дыхание распирает грудь. Он не спит уже несколько дней, и закрытые глаза не могут обмануть ни врача, ни медсестру. Старик умирает. Сколько ему осталось жить, день, два, неделю, никто не знает. Врач подходит к окну и раздвигает занавески. Старик медленно открывает глаза и долго, не мигая, смотрит. Серые тучи нехотя ползут по небу, ветер торопливо срывает последние рыжие листья клена. Голые ветки бьют и царапают по стеклу. Старик, напрягаясь, вслушивается в звуки улицы. Словно вспомнив о чем-то, он поворачивает голову к врачу и медсестре, хочет что-то сказать, но блеснувшая в глазах искорка быстро гаснет - накатывает новый приступ боли. Старик зажмуривается и стискивает зубы. Невысказанное будоражит память, не дает покоя...

Абрам Каттель был счастлив: его сын, его любимец Иосиф, закончил гимназию. Абрам ходил по квартирам соседей и показывал новенький документ сына. Те с доброй завистью разглядывали подписи, гербовую печать и желали Иосифу всяческих благ. Теперь Каттелям не надо будет откладывать деньги, экономить, Иосиф сможет сам зарабатывать - его уже приглашают на репетиторство. Но Абрам Каттель мечтал увидеть сына инженером. Насколько это несбыточно, он знал: семья не могла затягивать пояс до бесконечности...

И все-таки Иосиф Каттель стал, инженером. Но до этого были Первая мировая война, две революции, работа в ЦИКе и многое другое. Только в 1920 году Иосиф Каттель стал студентом МВТУ им. Баумана. Сегодня с полным основанием можно считать, что он был одним из ведущих инженеров первых советских пятилеток. В справке Центрального партийного архива без малого два листа занимают перечисления строек, где Каттель работал начальником или главным инженером. Но нас, пожалуй, в большей степени интересует один этап его жизни, обозначенный в справке кратко: «Январь 1932 года - назначен начальником строительства Дальпромстроя».

Он понимал, что коль скоро Наркомвоенмор¹ Ворошилов спросил, не согласен ли он, Каттель, возглавить строительство судостроительного завода на Дальнем Востоке, значит, вопрос практически решен.

Жаль, конечно, оставлять Магнитострой, где работа только-только разворачивается, набирает силу, жаль расставаться с людьми, которые поверили в него, главного инженера (вера рабочих в руководителя - это многое, когда работают по двенадцать часов на жестоком морозе).

В Москву он был вызван гораздо раньше, чем ожидал. Сразу из гостиницы Каттель поехал в наркомат тяжелой промышленности. Ему и раньше приходилось часто бывать здесь. Работая начальником строительства Иваново-Вознесенского меланжевого комбината, а потом управляющим трестом Заводстрой, он приезжал в наркомат «выбивать» оборудование и материалы. Подолгу просиживал в приемных, ему не подписывали документы, его ругали за то, что подменяет снабженцев. Действительно, водилась за ним такая нехорошая черта, пытался даже бороться с ней - посылал «толкачей». Но когда они возвращались и беспомощно разводили руками, считал, что плохо убеждали и просили, собирался я ехал сам.

В этот раз ему ждать не пришлось. Нарком тяжелой промышленности Орджоникидзе принял сразу.

---

¹ Наркомвоенмор – Народный комиссар по военным и морским делам, возглавлял Комиссариат. Различные Комиссариаты были объединены в Совет народных комиссаров (СНК). В 1946 году СНК был преобразован в Совет министров.

- Ваше назначение начальником строительства утверждено в ЦК. Садитесь удобнее, товарищ Каттель, буду вводить в курс дел.

Разговаривали до поздней ночи. Каттель понимал, какая ответственность ложится на его плечи. Не было еще ничего: ни управления строительством, ни рабочих. Не было даже утвержденной площадки строительства. Был только приказ: срок пуска нового завода - 1 января 1933 года. Менее года! И еще: три дня на сборы. Он попросил Орджоникидзе дать ему хотя бы дней десять, чтобы создать штаб строительства, набрать проверенных людей.

- Пугают сроки? — и, не услышав ответа, Орджоникидзе добавил.

- Срок пуска установлен товарищем Сталиным.

Каттель понял: изменения приказа не будет. Уже был пример строительства Харьковского тракторного. Сталина не интересовало, ценой каких усилий он был построен, какие физические нагрузки переносили люди, сколькими жизнями было оплачено это строительство «в рекордно короткие сроки». Сталин уверовал в одно: советские люди могут все, для них не существует невыполнимых задач, если их поставил он, Сталин.

И все же для Каттеля главным и, пока неразрешимым вопросом, было не время, которое уже начало отсчет с этого январского дня тридцать второго года, а кто будет строить? Где набрать такое количество строителей самых разных специальностей в условиях необжитой окраины Дальнего Востока?

О первых строителях Комсомольска-на-Амуре существует официальная история. И слухи. Они о том, что город якобы, строили заключенные. Как же было в действительности? В то время, когда в ЦК решался вопрос о назначении Каттеля начальником строительства «Дальпромстроя», К. Е. Ворошилов внес предложение: использовать на строительстве нового завода опыт Беломорско-Балтийского канала. Сейчас трудно сказать, как пошло бы строительство завода на Амуре, а значит и города, если бы это предложение было принято. Беломорканал строили заключенные. Газеты того периода писали: «Исправительно-трудовые лагеря заслужили почетную славу своими достижениями по массовой переделке сознания самых «трудных» и «запущенных», самых неисправимых преступников Термин «враг народа» еще не был в ходу. Заключенные делились на две категории социально вредные элемент - уголовники, и социально опасные - все те, кто впоследствии составит «золотой фонд» 58-й статьи². Будущему Комсомольску-на-Амуре повезло: начало строительства пришлось на время, когда только начали

---

² Ст.58 «Контрреволюционная деятельность» Уголовного кодекса РСФСР 1926 года. Статья состояла из 18 пунктов. По этой статье осуждались так называемые «враги народа». УК РСФСР 1926 года действовал до 1 января 1961 года.

практиковать использование труда заключенных в массовых масштабах. Тогда звучали призывы «...изучение этого механизма заслуживает гораздо большего внимания, ибо он являет собою наиболее трудный участок борьбы за нового социалистического человека, за накопление того ценнейшего людского капитала, ценить который научил нас товарищ Сталин». За два года «механизм» будет изучен, отлажен и запущен на полную мощность — волна массовых репрессий прокатится по стране. Тогда и поползут по Амуру баржи с «улоновцами», «даллаговцами» «амурлаговцами»³. Они тысячами останутся в леспромхозах и на просеках, где пройдут будущие железные дороги.

Из Москвы Каттель уезжал со своим штабом стройки и первыми комсомольцами. Вопрос о комсомольцах решился на последней встрече с Орджоникидзе. Тогда нарком неожиданно для Каттеля рассказал, как Александр Косарев засылал к нему в приемную самых настойчивых комсомольцев, и те буквально «высиживали» оборудование и материалы для строительства новых фабричных школ.

- Ничего не мог поделывать. Не вызывать же милицию! Подписывал все, что просили. Упрямые черти!

Орджоникидзе рассмеялся и, лукаво сощурился, посмотрел на Каттеля. Тот догадался, куда клонит товарищ Серго.

- Если честно признаться товарищ нарком, я думал об этом, но не решился обращаться к Косареву, минуя ЦК ВКП(б).

- Вот и замечательно, будем считать, что вы обратились к нему через члена ЦК.

- Наверное, потребуется большой призыв с учетом масштабов и сроков строительства, - Каттель на секунду задумался и добавил: - Лучше бы девчат не брать.

Орджоникидзе с усмешкой посмотрел на него:

- Что так? Девчата у нас боевые, работают не хуже парней. Или боитесь морального разложения?

- Да нет. Только не стану же я их в «черном теле» держать. Дело молодое, свадьбы пойдут, дети. Боюсь, не до свадеб нам будет.

- Это вы зря, Иосиф Абрамович. Обживать на новом месте надо обстоятельно и надолго. Навсегда. Впрочем, если хотите, сами скажите об этом Косареву, я звонил ему, он скоро должен быть. Только, думаю, девушки

---

³ УЛОН- Управление лагерей особого назначения; Дальлаг – Дальневосточные лагеря; Амурлаг – Амурские лагеря. Сокращения Управлений лагерей, принятые в то время.

и без комсомольского призыва поедут на стройку. Не будете же вы их палкой гнать, правда?..

Поезд отстукивал километры Транссибирской магистрали. Под Читой Каттель получил две телеграммы. В одной говорилось, что по стране объявлен призыв шести тысяч комсомольцев, в другой - стройка должна быть перенесена на четыреста километров от Хабаровска вниз по Амуру. Вторая телеграмма удивила. В разговоре с Орджоникидзе он узнал, что примерное место строительства определено недалеко от Хабаровска - в селе Воронежском, где уже идут изыскательские и проектные работы. Теперь же получалось, что все это делалось впустую. Предстояло не просто найти новое место для площадки, но и заново разрабатывать проекты. Сколько уйдет драгоценного времени!

В Хабаровске Каттеля встретил председатель государственной комиссии по вопросам экономики и обороноспособности Дальнего Востока Ян Гамарник. Первая и неотложная задача, которую пришлось решать, - выбор строительной площадки...

Внимательно исследуя историю строительства Комсомольска-на-Амуре, невольно наталкиваешься на вопрос, выяснение которого важно, ибо речь идет о выборе места под будущий завод и рабочий поселок. Известно одно: на начальном этапе проектирования и возведения завода решено было строить только рабочий поселок. Речи о строительстве города не было. Эта, на первый взгляд, деталь имеет существенное значение, поскольку все изыскательские и проектные работы велись без учета возможной перспективы города. О многом могли бы поведать члены государственной комиссии Гамарник, Блюхер, Муклевич, Бергавинов, но все они погибли, ошельмованные перед народом. Иосиф Абрамович Каттель оставил небольшие воспоминания, но написаны они в то время, когда каждое печатное слово просеивалось трижды через мелкое сито. И все же воспользуемся его воспоминаниями и теми документами, которые сохранились.

Площадок для завода было три. Первая, самая перспективная, на которую готовилась проектная документация, - село Воронежское под Хабаровском. Близость железной дороги и краевого центра позволяли скорейшим образом решать вопросы доставки оборудования, материалов и продовольствия. К весне 1932 года в Воронежском полным ходом шло строительство жилых барачков. Мы уже знаем, что в поезде Каттель получил телеграмму о переносе строительства из Воронежского. Такое же распоряжение получил и Гамарник. Кем они были подписаны? Неизвестно, во всяком случае, в воспоминаниях Каттеля об этом не говорится. Существует версия, что их подписал Сталин. Поверить в это трудно, поскольку Каттель не пошел бы наперекор Сталину, а

он продолжал настаивать на Воронежском. Одновременно продолжались поиски возможного места строительства в акватории Амура. В феврале 1932 года Каттель и Гамарник на трехмоторном самолете приземлились у села Пермского...

Существовала и третья площадка, наиболее подходящая для строительства города - село Нижнетамбовское. О том, что члены комиссии в качестве одного из вариантов выбрали это место, в Москве было известно. 4 апреля Орджоникидзе направил телеграмму в Хабаровск, в которой фактически оставлял за членами комиссии право выбора одной из двух площадок: «Надо строить в районе Пермская - Нижнетамбовская. Иное решение исключено». И все же Каттель продолжал упорно настаивать на Воронежском. Как опытный инженер он понимал: площадки в Пермском и Нижнетамбовском ставят стройку в полную зависимость от реки. Только в летнюю навигацию можно доставлять все необходимое, но из-за отсутствия на Амуре крупнотоннажных барж и теплоходов это нереально. В зимнее же время стройка окажется фактически без снабжения. К тому же в Пермском заболоченная с плавающим грунтом почва, что намного усложнит строительство.

Через три дня после телеграммы Орджоникидзе в адрес Гамарника, Блюхера, Бергавинова, Каттеля пришла телеграмма Сталина, лишавшая членов комиссии выбора: строить только на левом берегу, чтобы обойтись без моста через реку. Таким местом было Пермское. Каттель с этим решением был не согласен, порывался выехать в Москву, и через Орджоникидзе убедить Сталина строить, если не в Воронежском, то в Нижнетамбовском. Но он был лишен этой возможности. Сталин запретил Каттелю и его работникам выезжать в Москву, считая это «лишней тратой денег»...

В начале апреля в Хабаровске встречали первых молодых строителей, посланцев различных городов страны. Возникло множество вопросов: где их разместить, как обеспечить работой до открытия навигации по Амуру. Выяснилось, что не хватает спецодежды, инструментов. Каттель наседал на снабженцев, требуя скорейшего обеспечения строителей всем необходимым. До отъезда в Пермское оставалось менее месяца. Многие молодые люди приехали в костюмах и туфлях, так как на местах комсомольские активисты не могли толком объяснить, на какую стройку едут ребята, а возможно просто не знали. Только самые сметливые захватили сапоги и телогрейки, а кое-кто и пилы с топорами. Среди прибывших Каттель увидел несколько девчат. Все - таки пробрались! Он вспомнил слова Орджоникидзе и рассмеялся, теребя бородку, отпущенную для большей солидности. Все с нетерпением ожидали, когда же вскроется Амур...

Через полгода, когда начнется первая зима на стройке, людей начнет валить цинга и в первую очередь тех, кто приехал из южных городов страны. Сначала этому не найдут объяснение. Только впоследствии врачи установят: организм человека, выросшего на юге, в условиях суровой дальневосточной зимы при недостатке продуктов питания быстро расходует накопленные за лето витамины. Учитывая горький опыт первого призыва, костяк второго составят ленинградские комсомольцы.

Сегодня мы знаем о тридцатых годах больше, чем когда-либо. Страна жила как бы в двух измерениях. Строились новые заводы, плотины, ставились мировые рекорды, и рос, набирал силу, мощный аппарат унижения и уничтожения лучших сыновей и дочерей Родины. Тех, чьими умами и руками, через боль и кровь, вопреки всему на пустом месте вырастали новые города, тех, кто, пройдя муки ада за колючей проволокой всяческих «лагов», сумел сохранить главное - человеческое достоинство. Именно в о п р е к и, потому что только злая воля могла сознательно ставить людей в нечеловеческие условия. Да страна была еще бедна, но не на столько, чтобы не обеспечить молодых строителей завода на Амуре теплой зимней одеждой – телогрейками и портянками. И чем объяснить, оправдать, что в преддверии первой зимы на стройку не завезли ни лука, ни капусты, ни моркови, не было в достатке муки? Как понять, что баржи вместо топоров, лопат и кирок привозили никому не нужные хомуты и подпруги?

Конечно, все можно свалить на бюрократов от снабжения, на вредителей и «врагов народа». Можно, если сознательно забыть, вычеркнуть из памяти, что стройка стояла на особом контроле у того, кто определил конечный срок. На какие же муки и страдания были обречены люди - строители светлого будущего! Среди них окажутся и дезертиры, и просто физически слабые. Но будут и другие. Это те, кто в шалашах из жердей, зная, что строят только поселок, вопреки проектам и сметам, мечтали о городе, придумывали ему красивое и звучное название.

К нашей песне прислушайся
ты,
Что прошла сквозь цинготные
рты.
В новый город нас песня
вела.
Чтобы ты в нем счастливо
жила...

И вдруг случилось непредвиденное. В сентябре на стройку в Пермское приехала комиссия Наркомата тяжелой промышленности, председателем

которой был Охотников. Он привез мандат замнаркома Пятакова на закрытие всех работ.

Сегодня трудно представить, что Комсомольска-на-Амуре могло и не быть. В несколько дней решалась судьба всего строительства - большего времени не требовалось для вывоза людей и оборудования. Тогда Каттель впервые нарушил партийную дисциплину, о чем, впрочем, никогда не жалел. Зная, что Пятаков не только член ЦК, но в Политбюро, он не подчинился его указанию. По-прежнему считая Пермское не самым лучшим местом для стройки, Каттель в то же время видел, с каким упорством и верой в будущее работают люди. Он не мог, не имел права обмануть их. Понимал: распусти их сейчас, второй раз не собрать. Знал, что рискует очень многим, но пошел на отчаянный шаг — запретил своей властью членам комиссии появляться на стройке, чтобы люди не узнали о цели их приезда. На пароходе, доставившем комиссию, состоялся первый и последний разговор Каттеля с Охотниковым.

- Я прошу вас и членов комиссии не покидать пароход до получения мною подтверждения товарища Орджоникидзе. Каттель увидел, как побледнел Охотников. Придя в себя. Охотников закричал:

- Вы с ума сошли! Не понимаете, с кем разговариваете?! Вашу стройку закрывают! Она неперспективна.

И Каттель узнал о мотивах принятия этого решения. Заканчивался первый в мире проход судна из Баренцева моря в Тихий океан. Экспедиция О. Ю. Шмидта на «Сибирякове» доказала возможность плавания в Северном Ледовитом океане. Но Каттель был еще и упрям, умел быть и жестким, когда того требовали интересы дела.

- Проход «Сибирякова» - эксперимент. Он не снимает вопроса судостроения на Тихом океане.

- Он решает главное - возможность проводки судов через Север. Это дешевле, нежели строить эти суда здесь. - Охотников понимал, что не убедил Каттеля и строго спросил: - Вы будете выполнять наши указания?

- Нет, - ответил Каттель, - Я еще раз прошу вас не сводить с парохода. Охотников с усмешкой посмотрел на него:

- Это что, арест?

Каттель промолчал. И все же сведения о закрытии стройки просочились, хотя для пущей надежности от парохода убрали трап. Понимая, что настроения рабочих могут вылиться в бегство, Каттель на следующий день вместе с комиссией отплыл в Хабаровск. Всю дорогу они провели в разных каютах, ни разу не заговорив. Из Хабаровска в разных вагонах они выехали в Москву...

Начальник строительства был недалек от истины, утверждая, что экспедиция «Сибирякова» - эксперимент. На следующий год вторая экспедиция на пароходе «Челюскин» окажется неудачной. Его затрет льдами, и он затонет. Обстоятельства спасения экспедиции известны всем. Нет, не просто давался Северный морской путь...

В Москву Каттель приехал разбитый и злой. Всю дорогу писал и переписывал докладную записку. С вокзала он поехал в наркомат. Орджоникидзе был в отъезде. Замнаркома Пятаков отказался его принять. В Бюро новостроек Каттель узнал, что вопрос закрытии стройки практически решен. Оставалась последняя возможность. Он составил краткую записку и передал в приемную Сталина. Ночью в гостиничном номере Каттеля раздался телефонный звонок...

Ни в одних своих воспоминаниях он не рассказывает подробности той встречи со Сталиным. Известно только что Сталин не стал единолично разрешать просьбу Каттеля продолжать строительство и вынес вопрос на заседание Политбюро. Каттелю предстояло делать доклад. На следующий день в Москву вернулся Орджоникидзе. Выслушав Каттеля, он долго ходил в задумчивости по кабинету, наконец, сказал:

- На Политбюро вам дадут пять минут, больше докладчикам не положено. За это время вы не успеете доказать тем более обосновать перспективность строительства и конечно не сумеете добиться пересмотра срока пуска завода Орджоникидзе тяжело вздохнул. - Пожалуй, это самое сложное.

Каттель пристально смотрел на товарища Серго, пытаясь уловить ход его мыслей. Орджоникидзе долго молчал, что решал и вдруг резко вернулся к Каттелю:

- Составляйте-ка, Иосиф Абрамович, обстоятельную докладную с инженерным обоснованием. Подпишем вместе.

Каттель делал доклад сорок минут. Потом он не мог объяснить случившегося. Забыв про горевшую на трибуне надпись «Докладчику пять минут», он говорил и говорил стройке. Все молчали. Когда же стал рассказывать о комиссии Охотникова, раздался дружный хохот. Когда смех стих послышался голос Сталина:

- Значит, взяли и «арестовали» комиссию с мандатом члена Политбюро? Будем считать, что в данной ситуации товарищ Каттель поступил хоть и самовольно, но правильно. Но только в данной.

Что-то в голосе Сталина заставило Каттеля насторожиться. Тон, каким была сказана фраза, не соответствовал общему настроению в зале. На секунду встретились их взгляды, но и этого было достаточно. Каттель понял: Сталин не простит ему выходки с комиссией.

Пройдет шесть лет, заполненных буднями строек. Он забудет о мимолетном взгляде Сталина и его реплике. И только в тридцать восьмом, когда арестуют, и следователь заставит рассказать историю с комиссией, он все вспомнит. И через шестнадцать лет, когда перед ним откроются лагерные ворота - на волю! – он будет помнить и тот взгляд и реплику так ясно, будто это было вчера...

Но тогда, на Политбюро понял главное: строительство удалось отстоять. Закончив доклад, Каттель услышал обращенные к нему слова Орджоникидзе:

- По-моему, вы забыли сказать о просьбе комсомольцев?

Каттель понял, какую ошибку он чуть не совершил. Ушел бы с трибуны — и все, слова бы больше не дали.

- Комсомольцы нашей стройки просили передать вам товарищ Сталин, просьбу о переименовании села Пермское в город Комсомольск. Комсомольск-на-Амуре.

Сталин молчал.

- Не рано? — спросил кто-то

- Комсомольцы считают, что самое время, - и, помедлив, Каттель добавил: Я тоже так считаю.

За окнами поезда проплывали заснеженные поля и замерзшие полустанки. Нервное напряжение долго не оставляло Каттеля. Он ложился на полку, вставал, снова ложился. Сосед по купе - военный моряк - долго смотрел на него, наконец, не выдержал и спросил:

- Вы так волнуетесь, будто на первое свидание спешите.

Каттель рассмеялся и сказал: - А я действительно спешу на первое свидание... с городом.

- С городом?

- Да.

- И как же он называется, если не секрет?

- Комсомольск-на-Амуре.

- Не слышал о таком, - моряк недоуменно вскинул брови. - Большой город?

- Да, большой. Очень большой.

Над шалашами и землянками Комсомольска-на-Амуре бушевала метель, превращая жилища первых строителей в огромные, похожие на белые стога, сугробы. Заканчивался первый год строительства.

* * *

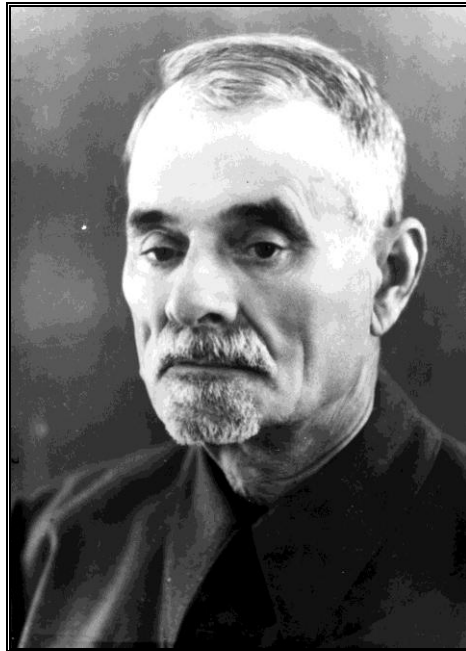
Очерк об Иосифе Каттеле был написан мной в мае-июне 1988 года, а в 1987 году был опубликован роман Анатолия Рыбакова «Дети Арбата».

В романе есть эпизод, который во многом походит на обстоятельства приезда в Комсомольск правительственной комиссии с Охотниковым во главе.

Чтобы развеять сомнения, я в том же году написал письмо Анатолию Рыбакову и, через какое-то время получил ответ. Анатолий Рыбаков писал, что действительно он знал Каттеля и использовал его рассказы в работе над образом Марка Рязанова, одного из героев романа.

НЕ ПОМРАЧАЯ ЧЕСТИ СОСЛОВИЯ

Владимир Пендрие

Шел 1905 год. Первая русская революция отступала. По улицам больших и малых городов российской империи сновали казачьи разъезды. С затемненными окнами шли эшелоны с карателями.

В Ростове-на-Дону в доме на Большой Мещанской тревожное волнение. Глава семьи, инженер газового завода Эмми Пендрие, закрывшись в кабинете, разговаривал со старшим сыном Владимиром. То, что долго скрывалось от родных, стало известно: сын был членом революционной организации Владикавказской железной дороги. Упреков не было. Инженер Эмми Пендрие – выходец из Франции, воспитанный на идеалах великой французской революции, понимал неизбежность происходящих в России потрясений. Но понимал и другое: рабочие проиграли первый бой. Уже несколько дней в Ростове стоит тишина, нехорошая, зловещая. Еще день-два - и она взорвется погромами, арестами, казнями,

- Это не предательство, - тонкая папироса подрагивала в пальцах отца, - все еще впереди. Если ты действительно хочешь быть полезен России, надо уехать, исчезнуть, хотя бы на время.

Вечером Владимир, попрощавшись с родными, вышел из дома. В саквояже смена белья и рекомендательные письма. Через неделю из Новороссийского порта он отплыл в Марсель. Во Франции Владимир Пендрие пробыл менее года. Больше не выдержал. И снова – в Россию...

1911 год. Харьковский университет готовил очередной выпуск. Молодые, полные сил и энергии студенты стремились скорее вырваться из аудиторий в жизнь – быть полезными Отечеству и народу.

В большом зале университета собрался последний курс медицинского факультета. Они давали факультетское обещание:

«Принимая с глубокою признательностью даруемые мне наукой права врача и постигая всю важность обязанностей, возлагаемых на меня сим званием, я даю обещание в течение всей своей жизни ничем не помрачить чести сословия, в которое ныне вступаю...»

Текст обещания, отпечатанный в университетской типографии, вместе с дипломами торжественно вручался молодым врачам.

Пожелтевший от времени лист с двуглавым орлом Российской империи - Диплом № 13595. Сегодня нельзя без улыбки вчитываться в его текст: «Предъявитель сего... по весьма удовлетворительном выдержании в Императорском Харьковском университете подвергался испытанию в Медицинской Испытательной комиссии...»

Этот диплом был вручен двадцатилетнему Владимиру Пендрие – сыну обрусевшего француза и донской казачки.

Подвергался испытанию... Что значили испытания комиссии в сравнении с теми, которые сразу, без подготовки, предъявила жизнь. Из далекого Приморья телеграф принес страшное известие. Телеграфист, сидевший у аппарата, усмехнулся странному названию: «пастеурелла пестис». Он не знал, что так, на языке просвещенной латыни, именуется особо опасное инфекционное заболевание — чума. Никто не мог силой заставить молодых врачей броситься в очаг эпидемии. Поехали добровольцы — пять человек. В их числе был Владимир Пендрие. Они боролись за жизни тысяч – на казарменном положении, снимая марлевые повязки только в короткие промежутки, когда принимали пищу. Болезнь отступала медленно, оставляя после себя сожженные крестьянские избы. В жарком огне сгорали умершие. Других способов предотвратить расползание заразы тогда еще не знали. Каждодневно, рискуя заболеть сами, врачи работали, забывая об отдыхе, о страхе. Это был бой, и потери были неизбежны. Они это понимали. Заразился один, потом второй. Третьим был главный врач экспедиции. Без слов, без истерик, как и первые два врача, он ушел в пустующий дом, чтобы самому накрыться саваном. Владимир подошел к окну и сквозь стекло, возле зеленого куста герани, увидел бледное с воспаленными глазами лицо главного. Он что-то пытался сказать. Не столько услышал, сколько по движению губ Владимир понял: ты остаешься за меня. На следующий день, прильнув к окну, он увидел вытянутое на узкой лавке тело, накрытое белой простыней. Вечером избу

облили керосином и подожгли. Безжалостное время не оставило имен тех, кто совершил врачебный Подвиг, обещавших «во всякое время помогать, по лучшему моему разумению, прибегающим к моему пособию страждущим». Тогда, после гибели товарищей, и дал главную клятву своей жизни Владимир Пендрие: «Бороться за человеческую жизнь до последнего»...

В июле 1914 года Германия объявила войну России. Началась Первая мировая война.

Четыре года провел Владимир Пендрие на переднем крае – хирургом в полевом госпитале. Кровь. Грязь. Неразбериха. Наступление русских армий в Восточной Пруссии захлебнулось. По разбитым расквашенным дорогам шли отступающие части, тащились обозы.

К фургону с красным крестом санитары поднесли пехотного поручика. Даже беглого осмотра Владимиру было достаточно, чтобы понять: операцию надо делать немедленно. Но как? Не было ни операционного стола, ни даже крыши над головой, - санитарные палатки не успевали разворачивать. Он глядел на серое, без признаков жизни, лицо молодого офицера.

- Не жилец, - услышал он за спиной чей-то голос.

Решение было принято.

- Вяжите ему руки и ноги, - приказал Владимир санитарам, - Быстрее. Держите носилки на руках. Не качать.

Он старался не слышать, как кричал поручик, когда без наркоза вскрывал рану. Руки привычно раздвигали ткани, добирались до острого осколка. Внезапно начался артралет. Он заметил, что носилки покачнулись и стали заваливаться на один бок.

- Стоять! – закричал Владимир санитарам и осекся, увидев, как один из них медленно оседает в грязь, а на сукне его шинели расплзается темное пятно.

- Стоять... - уже чуть слышно прошептал он перехватившим носилки солдатам. – Немного осталось.

Дороги войны. Операционные с лучинами вместо ламп. Сырые землянки. Стоны и матерная ругань раненых. И неистребимый запах человеческой крови...

Пять офицерских боевых орденов были наградой за труд армейского врача, разделившего судьбу русского народа, брошенного на уничтожение. Понимание бессмысленности кровавой бойни пришло не сразу. Был свергнут царизм, но Временное правительство вновь толкало солдат в окопы.

Под Двинском армейская часть, в которой служил Владимир, была отрезана и попала в полосу немецкой оккупации. В лагере для военнопленных он узнал: в Петрограде произошло вооруженное восстание, создано первое в

мире правительство рабочих и крестьян. С группой солдат и офицеров он бежал из немецкого плена...

В июне 1918 года Владимир Пендрие возглавлял хирургическое отделение красноармейского госпиталя в Ярославле. В избытке у них была только карболка. Не было медикаментов, не хватало инструментов, перевязочный материал использовали, пока он не превращался в откровенные лохмотья. Завшивленность была страшнейшая. Машинки после стрижки волос были в крови. Лозунг: «Либо – вошь, либо – революция!» не был громкой фразой. Это была жестокая правда тех дней. Тиф выкашивал бойцов не хуже белогвардейских пуль.

В ночь на 6 июля в городе началось белогвардейское восстание. «Союз защиты родины и свободы», возглавляемый эсером Борисом Савинковым, сделал Ярославль, Рыбинск и Муром отправными точками антисоветских выступлений. Шестнадцать дней мятежники удерживали город, утверждая свою власть белым террором. И все эти дни хирург Пендрие оставался в госпитале, делая операции раненым красноармейцам, спасая их от неминуемой расправы.

Большевики Ярославля и верные рабоче-крестьянскому правительству красноармейские части поднялись на борьбу. В городе шли ожесточенные бои. В рядах 1-го Советского полка шел доктор Пендрие. Время требовало владеть не только скальпелем.

Тогда же, в дни ярославского мятежа, Владимир познакомился с молоденькой сестрой милосердия Машенькой. В огне гражданской войны чувства проверялись быстрее. Владимир и Мария стали мужем и женой, товарищами по работе, единомышленниками. И уехали на Южный фронт. Он стал главным врачом госпиталя, она медицинской сестрой.

Трудные военные будни. Позади Каховка, Бахмут, Луганск. Впереди – Крым, последний оплот белой армии. Полевой госпиталь шел за бойцами через залив Сиваш. Передовые отряды красных, одолевшие залив, были разбиты. Раненые поступали непрерывно. В окровавленных шинелях, перепачканные вонючим илом и грязью. Грязь была везде и на всем. Сиваш и переводится с крымско-татарского как грязь. Стоны, плачь. Сквозь тонкую парусину хирургической палатки слышались разрывы снарядов, пулеметные очереди и, то нарастающий, то стихающий крик тысяч человеческих глоток. К исходу третьих суток штурма укреплений белых, заканчивая очередную операцию, Владимир Пендрие стянул повязку. На измученном, заросшем щетиной лице, выделялись скулы, лихорадочно блестели глаза.

- Маша, мне бы... - закончить он не успел. Его подхватили и вынесли на воздух. Маша накрыла мужа шинелью. Она знала, что он хотел сказать: не спал несколько суток, и просил, как часто бывало, минут пятнадцать отдохнуть.

Через полчаса он снова стоял у операционного стола. По количеству раненых, а им, прострелянным, пробитым штыками, изрубленным саблями, казалось не будет конца, он понял, какой ценой заплачено за Перекоп – ворота Крыма.

Спустя несколько дней, когда с улицы донеслись восторженные крики, он, не поворачивая головы, обронил санитарам:

- Попросите замолчать, - и продолжал операцию. И только потом, когда спало нечеловеческое напряжение, осознал, что пришел конец еще одной войне в его жизни...

Тридцатые годы - время небывалого трудового подъема. Ломались представления о человеческих возможностях. Невиданные темпы поражают наше воображение и сейчас: Магнитка, Турксиб, Днепрогэс, Челюскинская эпопея, покорение Северного полюса, беспосадочные полеты Чкалова...

Первый начальник строительства Комсомольска-на-Амуре Иосиф Каттель искал грамотных, проверенных жизнью специалистов для гигантской стройки на берегу Амура.

Они встретились в Харькове, Владимир Пендрие работал в ту пору главным хирургом большой клиники. Сухой, подвижный Каттель не любил уговаривать, рассказывал о строительстве так, будто бы не советовал ехать. На прощание сказал:

- Обещать ничего не могу. Только работу. Много работы. Они поняли друг друга.

Доктору Пендрие было сорок девять лет. Возраст, прямо скажем, далеко не комсомольский. Но решил ехать. Увидев недоумение в глазах Марии, сказал только одно:

- Там трудно...

Больше они об этом не говорили. Никогда.

Чемодан собирали вместе. Это был замечательный чемодан. В нем уместилось все: одежда, набор хирургических инструментов, чугунок (неизвестно же, как там с посудой) и деревянная кофемолка "Лейнброкс реформ". С этим он и тронулся в путь, на другой конец страны, чтобы обосновавшись, вызвать жену с детьми.

Так соединились судьба города и судьба человека.

Насколько было трудно, Владимир Пендрие убедился только на месте.

Молодых строителей косила цинга. Пендрие обходил бараки и землянки, смотрел, что делает болезнь. Кровоточили десна, выпадали зубы, на ногах не заживали язвы, люди с трудом ходили. Сказывалась острая нехватка витаминов.

- Видели? - спросил его Каттель, когда Пендрие пришел к нему.

- Да, - ответил Пендрие и, предупреждая вопросы, добавил – что делать пока не знаю.

Каттель, зная характер этого беспокойного человека, надеялся, что он найдет выход из сложившейся ситуации, и ждал. Молчание затянулось. Наконец Пендрие неуверенно сказал:

- Попытаемся бороться с цингой местными народными средствами. Увы, но других нет.

- Что вы имеете в виду?

- Нанайцев, их знания лечебных трав.

- Пробуйте и как можно скорее. Из-за болезни уехало уже более трехсот человек. Нельзя допустить, чтобы цинга победила стройку.

Знания и богатый опыт врача помогли Пендрие найти единственно верный выход из критического положения. Он призвал на помощь дальневосточную природу - поил больных и здоровых хвойным настоем. Отвратительная на вкус жидкость спасла многих.

Из врачей он был самым старшим по возрасту и самым опытным. Люди быстро определяют не только знания доктора, но и его душевное отношение к больным. Подчас это значит даже больше.

Через много лет поэт-комсомольчанин Александр Лозиков напишет строки:

"Ни ангелу, ни богу
и ни черту,
Ни родника
живительной струе -
Вдали от поликлиник
и курортов
Строители молились
Пендрие".

Отступила цинга. Рос город. Прибывали новые строители. Владимир Пендрие взялся за решение проблемы, которую поставило само время, - организацией акушерско-гинекологической службы. Надо было думать о молодых матерях и о первых маленьких гражданах, упрямо заявлявших о себе. Через его руки проходило будущее Комсомольска-на-Амуре. Став во главе гинекологического отделения 1-ой городской больницы в 1938 году, он до

конца жизни посвятил себя этой важной работе. Под личную ответственность, он изменил систему оплаты труда медицинских работников. Пендрие увеличил зарплату добросовестно и качественно работающим врачам, медсестрам. Он опередил время...

Выводы комиссии могли иметь далеко идущие последствия. Но его могли обвинить и в другом. Он - хлопотал за своих коллег – врачей, не по своей вине, а по чужой воле сменивших белые халаты на телогрейки с номерами на груди и на спине. Одному ему известным способом договорился с руководством одного из лагерей, входивших в систему так называемого "Даллага" - Дальневосточного лагеря, - чтобы врачей разрешали использовать хотя бы в качестве санитаров, их называли «сидельцами», «даллаговцами". Но для него они оставались людьми, призванными лечить больных. Душой русского интеллигента он жалел их. Понимал: за те сроки, что им были определены, они забудут свою профессию, свой долг делать добро. Они у него работали специалистами. Без оплаты. Счастливые уже тем, что выполняли любимое дело.

Когда его пригласили на беседу, он не удивился, что она больше походила на допрос и, что рядом с представителем отдела здравоохранения сидит майор НКВД. Понимал ли он нависшую угрозу? Наверное, понимал. И знал, что бесполезно объяснять истинное положение дел, говорить о страшной нехватке медицинских специалистов, о том, что многие приехавшие врачи ищут любые пути для бегства, а больные были, есть и будут. Краевой инспектор, мягко ступая по полу фетровыми бурками, подошел к нему и спросил:

- Кто вам разрешил привлекать к лечению строителей спецконтингент?

Пендрие повернулся к майору – понимая, что этот вопрос задан для него, - и спокойно ответил:

- Никто. Я сам это сделал.

Перед тем, как вызвать конвой, майор спросил:

- Скажите, а откуда у вас такое необычное отчество – Любимович?

- Моего отца звали Эмми. С французского переводится как любимый...

Спасли его жены партийных и советских чиновников и, как ни странно жены чекистов. Они наотрез отказались рожать у других докторов. Только у доктора Пендрие. Он действительно был л ю б и м ы м доктором, для всех.

Четыре военных года доктор Пендрие работал начальником хирургического отделения эвакогоспиталя в Комсомольске-на-Амуре. Проводил сложнейшие операции. В его аттестации военных лет записано:

"...владеет всеми видами хирургических и акушерско-гинекологических операций».

В это тяжелое время он не переставал заботиться о здоровье будущих матерей. Случалось разное. Приходилось вставать на лыжи и уходить ночью по торосистому льду Амура в нанайское стойбище. Знал: машина туда не проедет. И он шел в пургу, забывая про свои шестьдесят, спасать жизнь матери и еще не родившегося человека.

В 1945 году он был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Через три года он стал главным онкологом Комсомольска-на-Амуре и первым консультантом акушером-гинекологом, оставаясь в этой последней должности до самой пенсии.

Старость давала о себе знать, но его любовь к жизни была неиссякаема. В семье стало традицией на встречу Нового года собирать ребятню - детей работников больницы. Из большой комнаты убиралась мебель и посередине ставилась нарядная елка. Приходили ожидавшие праздника дети. Смех, визг, беготня. Но вот открывалась дверь, и входил Дед Мороз. Малыши восторженно глазели на него и тянулись к белой бороде. Те, кто был постарше, кричали: «Здравствуй, дедушка Пендрие». Он громко хохотал и вместе с ребятами водил хоровод.

В 1963 году Владимиру Любимовичу назначили персональную пенсию. Слух том, что врач Пендрие работает в больнице последние дни, разнесся по городу. И тут произошло невероятное. Сотни матерей потребовали от городского комитета партии и исполкома - не отпускать доктора на пенсию. Решение было принято. В виде исключения, в больнице открыли кабинет, где восьмидесятилетний заслуженный врач республики продолжал прием больных... Люди шли. Шли не просто к доктору, исцелителю, а волшебнику Пендрие! Это было высшим признанием. Он стал поистине Народным врачом.

В юбилейные дни 1967 года, когда городу юности исполнялось тридцать пять лет, встретились два человека. Первый и последний раз в жизни. В один день они стали первыми Почетными гражданами Комсомольска-на-Амуре: Юрий Алексеевич Гагарин и Владимир Любимович Пендрие. Они разговаривали долго. Владимир Любимович тяжело болел и не вставал с постели. Гагарин сидел рядом. Весело смеялся Гагарин и улыбался доктор. Он еще долго улыбался после ухода первого космонавта Земли. Может быть, ему виделись далекие звезды, о которых рассказывал Гагарин? Может быть...

Он прожил еще семь лет.

Прикованный к постели, в короткие промежутки, когда отпускала боль, он еще принимал молодых коллег, давал советы, консультировал.

17 января 1974 года весь город вышел на улицы. Холодный пронизывающий ветер швырял в лица заряды снега. Замерзали слезы...

Есть люди, вся жизнь которых подобна сиянию далеких звезд. Свет, идущий от них, пронзает пространство. Неподвластный времени, он стремится к сменяющим друг друга поколениям. Свет разума. Свет сердца. Свет человеческой жизни.

* * *

После публикации сокращенного варианта этого очерка в газете «Дальневосточный Комсомольск», одна из улиц города Комсомольска-на-Амуре была переименована в улицу Пендрие, а на доме, в котором жил Владимир Любимович, и на первом этаже которого находится Детская поликлиника, установлена мемориальная доска в память о Народном докторе.

И последнее... Я долго пытался найти родственников Владимира Пендрие во Франции. Мне помогало много людей и русских и французов. Увы, поиски не увенчались успехом.

ОТЕЦ И СЫН

Ллойд Паттерсон

Теплым майским вечером 1910 года у небольшой железнодорожной станции штата Северная Каролина остановился поезд. Пассажиры, а их было немного, быстро разошлись. Последними в дверях обшарпанного вагона показались двое. Молодая женщина, держась одной рукой за поручень, прижимала к груди завёрнутого в одеяло младенца. Следом за ней сошёл высокий худой мужчина с чемоданом и корзиной. Прямо перед ними на здании вокзала красовалась вывеска: "Только для белых". Мужчина и женщина, опустив головы, прошли мимо. Они были неграми...

Ночь Маргарет и Арчи Паттерсоны провели в грязном вонючем помещении, похожем на сарай, позади вокзала. На деревянном полу, прикрывшись тряпьем спали негры и пуэрториканцы.

Всю ночь Арчи с надрывом кашлял, отхаркивая кровью. Маргарет, баюкая малыша, смотрела на мужа. В глазах женщины застыла боль. Она знала, что у Арчи чахотка. Так оказал доктор, который смотрел его перед отъездом.

Утром они сели на маленький пароход и отправились вниз по реке в Гринсборо. Там, у отрогов Голубого хребта жили родители Арчи.

С каждым днем мужу становилось всё хуже. Однажды, когда они сидели на зелёной прогретой солнцем лужайке, он сказал:

- Маргарет, скоро я умру. И не перебивай! Я знаю... - Арчи помолчал и добавил: - Береги мальчика. Он твоё будущее и моё. Он должен быть счастливее нас.. .

Арчи гладил мягкую руку Маргарет. Они молчали. Главное было уже сказано, а утешать друг друга обманом не могли...

Он умер через неделю. Маргарет, похоронив мужа, отправилась в обратную дорогу.

Теперь только от неё одной зависела судьба человека, тарасившего на мир чёрные, как спелые маслины, глаза. Судьба ее сына, маленького Ллойда Паттерсона.

Болею за полоску рассвета,
просвечивающуюся тонко,
и за тихие звезды, мерцающие
впотьмах,
болею за ясную беспечность
ребенка,
смеющегося у матери на руках.

Они жили в одном из беднейших кварталов Бронкса, района Нью-Йорка, где господствовали грязь, нищета, запустение. Маргарет работала в прачечной, оставляя Ллойда на целый день одного или отводя его к знакомым. Отказывая себе во многом, она постепенно скопила денег, и они переехали в городок Вестфильд штата Нью-Джерси. Маргарет стала работать на писчебумажной фабрике. Там она поняла: для того, чтобы жить, надо бороться - за себя, за сына, за всех обездолена американцев.

Через десяток лет записи Маргарет о борьбе негров за свои права прочтет Максим Горький. О том, как с песнями Уолта Уитмена выходили они на демонстрации протеста. О том, как держась за руку матери стоял на митингах её мальчик...

Маргарет была счастлива, сын поступил в негритянский колледж в Хэмптоне. Приезжая на каникулы он с восторгом рассказывал о своих друзьям, о том, сколько нового он узнал за это время. Но это счастье было недолгим. Осенью 1931 года Ллойд прислал письмо, в котором сообщал, что скоро приедет..., насовсем. Студенты колледжа не вышли, на занятия в знак протеста против расовой дискриминации, проводившейся против чернокожих преподавателей, и колледж был закрыт. Маргарет не упрекала сына. Понимала: иначе поступить он не мог.

Они снова стали жить вместе в маленьком домике на Либерти-стрит. Название улицы переводится с английского как улица Свободы...

Неизвестно, как сложилась бы судьба Ллойда, не попадись ему на глаза объявление в газете: "Советская кинокомпания "Межрабпромфильм" приглашает для участия в съёмках фильма «Чёрный и белый» молодых

актёров с чёрным цветом кожи." Не надеясь на успех, он послал письмо с просьбой включить его в состав группы выезжающей в Советский Союз...

Через месяц пароход с большой группой молодых американцев вошел в ленинградский порт.

В семье Паттерсонов бережно хранят фотографию, где молодой улыбающийся Ллойд стоит на палубе рядом с известным негритянским писателем, историком и публицистом Ленгстоном Хьюзом. Сохранились и кинопробы Ллойда Паттерсона на съёмках фильма: со связанными за спиной руками, он стоит на коленях.

Ллойд слал домой письма, полные восторженных впечатлений, а мама в ответ писала:

«Действительно ли тебе там хорошо? Может быть, лучше вернёшься домой? Сколько времени ты пробудешь в России?»

Он и сам не знал, сколько пребудет в стране, где цвет его кожи вызывал улыбки удаления, любопытства, всё что угодно но, только не ненависть.

Друзья пригласили Ллойда в театр Всеволода Мейерхольда на постановку «Бани» В. Маяковского. Он долго отказывался, боясь не понять спектакль из-за плохого знания русского языка. Но друзья уговорили его. В театре Ллойда познакомили с девушкой:

- Вера Аралова, - представилась она.

Весь спектакль они сидели рядом, и Вера, хорошо владевшая английским языком, переводила Ллойдю. Так возникла дружба талантливой театральной художницы Веры Ипполитовны Араловой и Ллойда Паттерсона, которые вскоре стали мужем и женой.

Дом Ллойда и Веры был всегда открыт для друзей. У них часто гостили актеры Эраст Гарин и Максим Штраух, драматург Алексеи Арбузов, Ллойд долго не мог понять, почему трёх молодых художников, приходивших к ним, Куприянова, Крылова и Соколова друзья называют одной к притом страной фамилией – Кукрыниксы.

В ноябре 1933 года Маргарет прислала сыну письмо:

"Мое дитя Ллойд, выясни, пожалуйста, сколько будет стоить дорога до Москвы. Скажите моему внуку, что бабушка скоро сможет взять его на руки...»

Да, у Ллойда и Веры родился сын - Джемс. Маленький Джим засыпал под русскую колыбельную, которую пела мама, и под негритянский блюз, который пел отец.

...Но я помню,
как что-то взволнованно пели
мне Россия и Африка
у колыбели...

"У нее черный ребенок! Черный!" – закричал джентльмен в смокинге и поднял над головой плачущего ребёнка. И в следующее мгновение раздался смех, он нарастал со всех сторон. Смеялись не над ребенком, смеялись над этим нелепым, злобствующим человеком. А ребенок плыл над залом на руках сотен людей.

Все помнят этот, наверное, самый потрясающий момент художественного фильма "Цирк». Малыш не играл, он был самим собой - смуглым, кудрявым Джимом Паттерсоном. Он не мог знать, что на ласковых руках Любви Орловой входит в историю советского киноискусства. А за кадром, нервно похаживая, переживал его отец. Он волновался за сына и за Орлову, которую долго учил говорить по-русски с американским акцентом...

Вскоре после этого Ллойда Паттерсона пригласили на ответственную работу в исполком Международной организации помощи борцам революции. Он ездил по городам Советского Союза и рассказывал рабочим, какую трудную борьбу ведут у него на родине американские негры за свои права. Рассказывал о своей матери о детстве, проведенном в негритянских кварталах. Темпераментный, с сильным голосом, он умел доносить до сердца каждого слушателя боль своего народа...

В один из зимних вечеров 1937 года Ллойд пришёл домой не один. С ним был высокий, крепкого сложения темнокожий мужчина. Вера Ипполитовна растерялась, не ожидая такого гостя. Ллойд, улыбаясь, сказал:

-Верочка, познакомься... Это Поль, мой земляк, тоже из Нью-Джерси. Представляешь, он только вернулся из Испании!..

Весь вечер гость рассказывал о боях в республиканской Испании. А потом, до поздней ночи, он пел негритянские народные песни, аккомпанируя себе на рояле. Маленький Джим уснул, положив голову на колени отца. Ему снилась далёкая страна, откуда приехал его отец и где жила его бабушка Маргарет.

И соседи за стенкой долго не могли уснуть. Они слушали низкий бас, исполнявший неведомые песни. Если бы он пел до утра, они бы слушали и до утра. Этот голос нельзя было перепутать, ни с каким другим. Пел Поль Робсон...

Вера в добро была музыке свойственна.
То улыбаясь,
то словно рыдая,
вторила сильному голосу Робсона,

с огненных, клавиш рояля слетая...

Вскоре Ллойда Паттерсона пригласили на работу во Всесоюзный Радиокomiteт. Не последнюю роль в этом сыграли знание языка, мастерство переводчика и прекрасные дикторские данные.

Новая работа отнимала много времени, но он был счастлив. Теперь он мог сам рассказывать соотечественникам, слушавшим его в далекой Америке о жизни в Советском Союзе.

Да, он был счастлив. Была любимая жена, сын, интересная и нужная работа. Были вокруг миллионы людей, с которыми он жил одной жизнью, одними мечтами. Он слился с ними. Его жизнь была частицей жизни огромной страны, ставшей для него второй Родиной...

22 июня 1941 года рано утром его срочно вызвали в Радиокomiteт...

Пошел новый отсчет времени. До Победы. Когда она будет?

Он торопился в редакцию, когда начался авиационный налет. Добежать до бомбоубежища Ллойд не успел. Подобрали его без сознания на улице.

Через две недели, едва оправившись от контузии, он пришел в редакцию.

Председатель Радиокomiteта вызвал его к себе.

- Долечиваться будем после...- сказал он Ллойд.- Мы создаем новые филиалы для передач на зарубежные страны. Будем передавать из Тбилиси на Италию, Грецию, из Куйбышева на Балканские стран. А, вы Ллойд, поедете в Комсомольск-на-Амуре, там мы открываем филиал для передач на Китай, Великобританию, США. Люди за океаном должны знать правду об этой войне...

Через несколько дней группа работников Радиокomiteта выехала в Комсомольск-на-Амуре. Председатель разрешил Ллойд на три дня заехать в Свердловск. Там в эвакуации жила семья Паттерсона...

Они шли по заснеженному Свердловску. Маленькая ладошка сына грелась в сильной руке отца. Джиму хотелось кричать и прыгать от радости – папа снова был с ним. Дети не замечают грусти в глазах родителей...

Дома, прижав сына к себе, он долго, словно запоминая навечно, смотрел в его лицо:

- Ты совсем взрослый, мой мальчик. Береги маму, очень тебя прошу...

И уехал...

Была первая зима войны.

Последствия контузии давали знать сильными головными болями. Ллойд Паттерсон работал до изнеможения, до обмороков. Он видел, что здесь в глубоком тылу, в Комсомольске-на-Амуре, люди работают не жалея себя, на износ, и так же работал сам. Видел острую нехватку продовольствия,

медикаментов – все шло на фронт, - люди умирали от простуды, от дизентерии. Умирали от недоедания дети.

Каждый день радиостанция Комсомольска-на-Амуре выходила в эфир, и голос Ллойда Паттерсона рассказывал американскому народу страшную правду о нашей войне.

Сотрудники Радиокомитета сутками не покидали операторскую комнату. Принимали, переводили и готовили очередные сводки. Спали здесь же. Может быть, поэтому мало кто из комсомольчан видел на улицах города высокого темнокожего мужчину. А может быть и потому, что на улицах и людей-то почти не было. Все подчинялись строгим законам военного времени.

Были у комсомольской радиостанции и еще две секретные миссии, о которых знал ограниченный круг сотрудников, как в Комсомольске, так и в Москве.

На строго определенной частоте радиостанция выдавала в эфир постоянные сигналы, служившие маяком для советских летчиков, перегонявших с Чукотки американские самолеты-истребители «аэрокобра», поставляемые союзниками по договору «ленд-лиза».

Вторая миссия состояла в том, что радиостанция принимала шифровки от зарубежной агентуры и в том виде, в каком они поступали, переправляла их в Москву.

В начале марта 1942 года, во время одной из передач Ллойд потерял сознание. Его отвезли в военный госпиталь, но в себя он так и не пришел.

Ллойд Паттерсон умер 9 марта. Ему шел только тридцать второй год...

Вот и все.

Нет, не все. Остался сын, а значит осталось будущее.

Комсомольск!

Как он выглядит молодо!

Вижу сибирский загар лица,

Знаю: молодость этого города-

Это молодость

Моего отца!

Эти стихи из поэтического сборника о Комсомольске-на-Амуре, как и все в этом очерке, принадлежат перу поэта Джемса Паттерсона, которому я признателен за воспоминания о короткой, но светлой жизни его отца Ллойда Паттерсона.

* * *

У этого очерка, опубликованного в 1987 году, было неожиданное продолжение. После публикации, я отправил несколько экземпляров газет сыну Ллойда Паттерсона, Джемсу, с которым был в переписке. Джемс, в свою очередь, передал эти экземпляры, тогда еще находившимся в здравии, соратникам отца по Радиокомитету. Ну, а те, со своим письмом, отправили очерк в Центральный Комитет КПСС.

Через какое-то время меня пригласили в городской комитет партии и попросили рассказать и показать, какими материалами я располагал при написании очерка, не объясняя мне причин своего интереса.

А еще через какое-то время я узнал, что принято решение на здании Радиотелецентра города, где во время войны размещалась группа Радиокомитета, поместить мемориальную доску в память о Ллойде Паттерсоне и всех, кто работал с ним в те военные годы.

На открытие мемориальной доски приехали соратники Ллойда и его сын Джемс.

КОМБРИГ

Ян Адамсон

Старые фотографии... Пожелтевшие, ломкие, хранятся они в семейных альбомах, лежат, перевязанные тесемкой, в бабушкиных комодах или в незатейливых рамках висят на стенах. Их сохраняют, порой и не зная, кто изображен на них...

Передо мной небольшого формата любительский снимок: по улице идет колонна солдат с винтовками, впереди командир. Лиц почти не видно - или фотограф был неумелый, или погода подвела. На обратной стороне полу стершаяся карандашная надпись: «1 Мая 1937 г. Военный парад в Комсомольске-на-Амуре».

Впервые увидев этот снимок, я не думал, что когда-нибудь узнаю историю жизни человека, который командовал тем далеким парадом...

Россию мотало на рельсах. На запад везли пушки, ржущих от тряски лошадей и лысых новобранцев. На восток, сменяя кордоны, прованивая махрой вагоны, двигалось людская масса бывшего воинства, - из тех, что «навоевались». Столицу переполняли окопники. Они, бряцая «георгиями»,

бродили по улицам и ненавидяще глядели в сторону Зимнего дворца. «Сухой закон» уже не действовал, и политура подскочила в цене до «шустовского» коньяка. Временное правительство выпустило Заем Свободы с погашением в сорок девять лет. Много было в прошлом, а в настоящем еще не было ничего..

Ян Адамсон, бывший каменщик из Либавы, метался в горячечном бреде в Петроградском военном госпитале. На восьмые сутки он очнулся и услышал слова доктора, протиравшего платком стекла пенсне:

- Ну-с, если и выживите, то сами, только сами. Медицина здесь ни при чем. Он выжил.

Гудели провода над Россией. Телеграф отстукивал экстренное правительственное сообщение: «Всем! Всем! Всем!».

Командир Латышского стрелкового полка особого назначения Пауль Матисон стоял у аппарата. Белая лента медленно ползла, свертываясь на полу кольцами:

«...Россия теперь по вине негодяев левоэсерства, давших себя увлечь на путь Савинкова и компании, на волосок от войны. Все на свои посты! Все под оружие!»

- Командиров рот ко мне, - приказал он ординарцу, когда замолк стук старого «юза».

Ординарец выбежал. Вскоре в штабной избе за большим крестьянским столом сидели командиры.

-Товарищи, - обратился к ним Матисон, - В Москве левоэсеровский мятеж. Положение серьезное, нас пытаются втянуть в войну с немцами. Сомнений нет: мятеж будет подавлен. В Москве наши братья - латышские стрелки. Мы верим, что они вместе с рабочими столицы встанут на защиту революции...

Командиры выступали один за другим. Выслушав их, Матисон зачитал приказ:

«Объявляю постановление полка в связи с противосоветскими выступлениями левых социалистов-революционеров в Москве 6 июля 1918 года. Латышский стрелковый полк особого назначения в г. Саратове, обсудив вопрос о текущем моменте после событий в Москве, единогласно принял следующую резолюцию:

Мы, сыны угнетенной красной Латвии, обращаемся ко всем красноармейским частям и призываем их к братскому объединению и сплочению всех сил вокруг революционно-пролетарской партии коммунистов (большевиков)...».

Первый экземпляр этого приказа остался в штабе, остальные раздали командирам рот. Получил его и Ян Адамсон – два старых потертых листа, вырванных из амбарной книги. На первом листе просматривается надпись: «1 СР» - Первая стрелковая рота. Наверное, это единственный сохранившийся экземпляр. (Этот экземпляр приказа хранится в фондах Комсомольского-на-Амуре краеведческого музея).

Лихое было время. Не понять, подчас, где фронт, где тыл. Все смешалось. Скрипел на зубах песок, яростью горели красные от бессонницы глаза.

- Ой, горе, горе! Ой, донюшка моя, кровинушка, - кричала старая бабка, упав на лежащее в пыли растерзанное тело, - Господи, да где же глазыньки твои, нешто не видишь, что творят ироды?

Беззвучно шевелились потрескавшиеся губы, пересчитывая убитых. Сколько их? Один, два, три...двенадцать. Весь состав только образованного комитета бедноты.

Полтора жарких месяца сводный отряд латышских стрелков под командованием Яна Адамсона подавлял вспыхнувшее восстание, не давая разрозненным отрядам белых объединиться, чтобы прорвать фронт и уйти к белочехам. 15 июля 1918 года газета «Известия ВЦИК» сообщила о полной ликвидации белогвардейского заговора в Саратовской области...

В ночь на 7 августа 1920 года третий полк Латышской стрелковой дивизии, форсировав Днепр, первым ворвался на горящие улицы большого украинского села. Командир полка Адамсон вел бойцов на огонь пулеметов белых. Падали сраженные пулями. Раненые не просили о помощи. Красные латыши медленно продвигались вперед - белые отчаянно дрались за каждый переулок, за каждую хату. Ян видел как, увлекая за собой горстку бойцов, бросилась на вражескую батарею маленькая, хрупкая Зельма Пиген. В ее узкой ладони держался от бешеной стрельбы маузер.

К утру враг был выбит.

Никто не думал тогда, что село это, с названием Каховка, навечно войдет в историю Гражданской войны, а поэт Михаил Светлов напишет:

«И девушка наша
в походной шинели
Горящей Каховкой идет».

Это о ней, секретаре партийной ячейки третьего Латышского полка Зельме Пиген. Маленькой женщине с большим маузером.

За этот бой Ян Адамсон постановлением ВЦИК был награжден орденом Красного Знамени.

Каховский плацдарм стал пробкой, которой Красная Армия заткнула Врангеля в Крыму. Белое командование бросило на Каховку лучшие офицерские полки.

Бойцы лежали в окопах, наблюдая, как из-за холма медленно появляются цепи противника. Адамсон протянул бинокль молодому комиссару, и устало протер запорошенные пылью глаза:

- Глянь, семечки не лузгают?

Удивленный комиссар долго всматривался в степь.

- Нет, не лузгают.

Адамсон усмехнулся:

- Дроздовцы, офицерский полк. Осенью прошлого года, под Орлом они ходили в атаку с семечками. Плевать им, значит, и на нас, и на смерть, и на все на свете.

- Кончились семечки, командир?

- Кончились, комиссар...

Приведу строки из одной книги: «Танки и броневики двигались впереди наших частей, уничтожая проволочное заграждение. Красные оказывали отчаянное сопротивление... Особенно упорно дрались латышские части».

Это из мемуаров барона Врангеля «Белое дело», написанных в эмиграции в 1926 году. Он умолчал об одном. О своем приказе: «Латышей в плен не брать, расстреливать на месте, считая всех большевиками».

Была последняя осень гражданской войны. От победы Красную Армию отделяла узкая полоска земли, перетянутая колючей проволокой, набитая артиллерией и пехотой белых, — Перекоп. За ним был Крым. В Крыму Ставка последнего командующего Добровольческой армией барона Врангеля.

Ян с волнением вглядывался в осунувшиеся, посеревшие лица красноармейцев. Ночью он получил приказ к двенадцати часам дня овладеть позициями неприятеля. Его полк должен идти на штурм первым. Он мог многое сказать своим бойцам, прошедшим огонь и кровь войны, видевшим и победы, и поражения. Но он знал, что никакие, даже самые высокие и красивые слова не могут передать ту величину подвига, который предстояло совершить полуголодным, полураздетым солдатам революции. И комполка Адамсон отдал последний в это предрассветное утро приказ:

- Коммунисты, вперед! Оркестру играть «Интернационал»!

Третий стрелковый полк Латышской дивизии пошел на штурм Ишуньских укреплений. Последних на Перекопе...

В штабе дивизии знали, что на момент штурма полк насчитывал 1.233 человека, из которых боеспособных было 837, остальные раненые. Без обуви - 152. Без гимнастеров и брюк (в кальсонах) - 262.

Они шли на вооруженных, на одетых с головы до ног всей Антантой.

В полдень Ян Семенович Адамсон доложил о выполнении приказа...

Шел 1933 год. Вызов на аттестацию в Москву был для комполка Адамсона неожиданным. Собственно, его и раньше аттестовали, к этому он привык. Но комиссия всегда заседала в округе. Почему на этот раз Москва?

Столица встретила Яна Семеновича людской толчеей, звонками трамваев и теплым летним дождиком. До Гоголевского бульвара, где размещался Наркомат по военным и морским делам, он решил пройти пешком...

Аттестацию Адамсон прошел успешно, а на следующий день его вызвал замнаркома - армейский комиссар 1-го ранга Ян Гамарник.

- Вам говорит что-нибудь такое название: Комсомольск- на-Амуре?

Ян Семенович признался, что знает о комсомольской стройке только из газетных сообщений.

Гамарник подошел к висевшей на стене большой карте Советского Союза:

- Вот здесь, - рука с карандашом прошла вдоль карты и указала на красную точку. - Это и есть Комсомольск. Карта немного устаревшая, город я сам обозначил, но за точность ручаюсь.

Ян Семенович внимательно слушал. Гамарник рассказывал о том, с какими трудностями столкнулись строители города, как тяжела была первая зимовка. Богатому, но не обжитому краю требовались люди. Поэтому правительство приняло решение о формировании Особого военно-строительного корпуса, в задачу которого входило строительство промышленных объектов Дальневосточного края. Формировался корпус на территории Московского и Ленинградского военных округов и состоял из трех бригад. Ян Адамсон приказом Наркома назначался командиром Второй бригады.

- Уверен, оправдаете доверие, - сказал Гамарник, крепко пожимая руку Адамсона. - Надеюсь на встречу... На Дальнем Востоке...

В конце ноября 1933 года по Транссибирской магистрали эшелоны с военными строителями двинулись на Восток.

На заснеженных сибирских станциях бойцы выскакивали из теплушек размяться. Розовощекие, крепкие сибирячки стреляли глазами из под теплых полушалков:

- Откель едете, служивые, да такие бравые?

- Откеля едем, там уж нет, - смеялись солдаты.

- Поедем с нами, красавицы, - кричал лихой гармонист. – Я вам всю дорогу частушки петь буду...про любовь!

Паровозный гудок – и бойцы в вагонах. Машут им вслед улыбающиеся сибирячки.

В Хабаровске командование корпуса получило приказ: Третья бригада направляется на стройки Читы и Иркутска; Первая следует в Комсомольск. Ей предстояло совершить переход по льду Амура, который впоследствии назовут «героическим ледовым переходом». Очевидец писал: «Сценарист и режиссер художественного фильма «Комсомольск» удосужились поставить во главе колонны военных строителей двести прекрасных лыжниц, якобы проложивших ей путь. Будь у нас впереди такие девчата, мы, несомненно, пришли бы в Комсомольск намного раньше». Жизнь была намного прозаичней и суровой: сорокаградусный мороз, пронизывающий ветер, метель, и четыреста километров по льду, по торосам...

Второй бригаде Яна Адамсона был определен самый обширный и, пожалуй, самый тяжелый фронт работ. В пяти километрах от города Свободного, на пробитой морозом земле, стояли палатки. В каждой по два дневальных: один у пирамиды с оружием, другой у печки. Клубился пар от развешенных в проходе гимнастеров, брюк, портянок. Спали в шинелях. К утру холод выжимал из палаток остатки тепла, и солдаты задолго до подъема выскакивали на улицу... греться. Грелись, работая лопатой, ломом, киркой да одноколесной тачкой....

Потом был Невер – район вечной мерзлоты. Они жили в землянках. Чего стоило выдолбить их, когда земля превращалась в гранит, когда до тайги - до дров - восемьдесят километров.

На карту наносились новые объекты: крекинг-завод в Хабаровске, цементный в Спаске, электростанция «АртемГРЭС» под Владивостоком, завод «Дальсельмаш».

В Хабаровске у Адамсона была комната с мебелью с инвентарными номерами. Долгими зимними вечерами, накрыв кофтой кастрюлю с картошкой, Августа Адамсон ждала мужа. Потом она относила картошку соседским ребятишкам. На следующий вечер все повторялось сначала. Муж почти не бывал дома, и Августе казалось, что стройке не будет конца...

Весной 1936 года поступил приказ: Второй и Третьей бригаде следовать в Комсомольск-на-Амуре. Весь Особый военно-строительный корпус был собран на строительстве города.

Возводились первые корпуса завода «Амурсталь». Адамсон долго смотрел, как бойцы ведут кладку, кирпич к кирпичу. Что-то дрогнуло в душе.

- Принесите комбинезон, — приказал он командиру роты.

Солдаты с удивлением смотрели, как ловко работает мастерком комбриг. Раствор, кирпич, снова раствор. Не знали они, что стоит сейчас рядом не суровый командир, а молодой либавский каменщик Ян.

- Вот так, — сказал он. - Будут в будущем гиганте и мои кирпичи...

С того дня Адамсон часто приходил на стройку и наравне со всеми вел кладку, плотничал, штукатурил. Солдаты подарили ему новые, сделанные своими руками инструменты.

- Именное оружие строителя, - с любовью и гордостью называл их комбриг.

Постепенно Комсомольск обретал черты города. На месте бывших временок возводились первые каменные дома. Влюбленные бегали за ландышем на дальнюю просеку, которой уже дали название - проспект имени Ленина. По Аллее Труда ходили за грибами в лес, начинавшийся за политехническим техникумом. Иногда появлялся в городе «хозяин тайги» - бурый медведь. Ошалев от собственной смелости, проносился по деревянным тротуарам и скрывался в кустах орешника.

В апреле 1937 года Ян Адамсон принял командование всем Особым военно-строительным корпусом.

В один из вечеров в штаб пришла группа гражданской молодежи. Говорили, перебивая друг друга. Ян Семенович остановил их:

- Подождите, друзья. Давайте по очереди.

Один из парней повернулся к худенькой девушке:

- Давай, Клава, освещай момент.

Девушка, заметно смущаясь, теребя края ситцевой косынки, обратилась к Адамеону:

- Товарищ комбриг, - она не заметила, что назвала его по старой должности, - у нас город или нет?

- Город, - растерянно улыбнулся Адамсон.

- А почему он тогда лысый? Прямо как Мишкина голова, - она ткнула пальцем в сторону стриженного «под Котовского» парня. Ребята захохотали.

- Вы не смейтесь, - продолжала Клава. — Вокруг тайга, сопки, а в городе все подчистую вырубается. Собрали нас сегодня и говорят: «Давайте проведем субботник по озеленению улиц». Смехота получается, и обидно...

Адамсон ходил по кабинету и слушал. Он понимал, что девчушка права. Строители не избежали ошибок. Особенно в самом начале. На улицах,

действительно, не оставалось зелени, все приходилось сажать заново. Надо исправлять положение.

- И последнее, можно, товарищ комбриг? — Клава вопросительно смотрела на Яна Семеновича.

- Давайте, выкладывайте все разом.

- Военные в нашем городе уже четыре года, а парада ни разу не было. Настоящего, как в больших городах. Чем мы хуже?

Ребята ждали, что скажет командир корпуса. А он думал о том, что за работой стал забывать о праздниках. Эти усталые, худющие мальчишки и девчонки вспомнили, а он забыл.

- Нет, мы не хуже других, - он чуть помедлил и добавил, - будет парад. Настоящий. Даю слово коммуниста

Первое мая 1937 года выдалось на редкость холодным. По небу ползли тучи, с Амура дул пронизывающий ветер. На затянутую кумачом деревянную трибуну поднялись члены горкома партии, горисполкома, военные.

- Ян Семенович, сегодня ваш день. Командуйте, - сказал секретарь горкома. Адамсон обвел глазами колонны солдат.

- Корпус! Слушай мою команду! К торжественному маршу! Поротно...

И грянул военный оркестр.

На обочинах дороги стояли строители молодого города, с волнением наблюдая, как печатая шаг, мимо трибуны проходили солдаты Особого военно-строительного корпуса. В будёновках, в полинялых от пота гимнастерках, с винтовками на плечах. Рядом, с восторженными криками, босоногие, в коротких штанах, бежали счастливые мальчишки.

Он смотрел на стройные шеренги и вспоминал свой первый парад: в Крыму, когда разбили Врангеля. Тогда он, выживший всем врангелям на зло, вел остатки непобежденного полка по улицам Севастополя...

Тридцать восьмой год. Июль. Ночь. Окна двухэтажного рубленого дома комсостава распахнуты настежь. Ни ветерка, ни шороха. Ян Адамсон лежал с открытыми глазами – не спалось. Позади еще один трудный день. С утра пришли баржи с продовольствием, В трюмах на глыбах льда лежало мясо - десятки тонн. Ему позвонили из горкома, попросили помочь в разгрузке. На пристани вереницей стояли рабочие. Одного взгляда ему было достаточно, чтобы понять, что происходит. По шаткому трапу поднялся на палубу.

- Прекратите разгрузку немедленно, - приказал он капитану.

Тот отступил на шаг и удивленно посмотрел на военного в пыльном комбинезоне без знаков различия.

- Ты кто такой, чтобы приказывать? Я не могу торчать здесь! Мне в Хабаровск топать надо.

- Я, член горкома партии, командир корпуса, - спокойно сказал Адамсон, - Сейчас мясо сгружать нельзя. В городе нет места для такого количества. Оно быстро начнет таять и портиться.

Капитан поспешно застегнул верхнюю пуговицу кителя и, вытянувшись, спросил:

- Что же делать, товарищ командир?

План Яна Семеновича был прост: двум батальонам надлежало вырыть глубокие ямы, затянуть их брезентом и посыпать опилками, К ночи работы были закончены.

Вспоминая это, Адамсон думал: все, кажется, сделано правильно, город надолго обеспечен продовольствием.

Он не заметил как задремал. Проснулся внезапно, словно от толчка. Осторожно, чтобы не разбудить жену, поднялся и подошел к окну, У подъезда стояла машина - черная "эмка". До боли в суставах сжал руками подоконник - он хорошо знал эту "эмку". Какие-то секунды длилось оцепенение.

- Августа, проснись.

Было слышно, как по деревянной скрипучей лестнице поднимаются люди.

- К нам? - испуганно спросила жена.

- Да. - Адамсон застегнул гимнастерку и с грустью посмотрел на жену. - Собери мне вещи...

На пятые сутки его вызвали на первый допрос. За письменным столом сидел молодой капитан НКВД.

- Я буду вести ваше дело, Адамсон. Моя фамилия Кияшко.

Начались изматывающие, отнимающие душевные и физические силы допросы. День за днем. Месяц за месяцем. Предъявленные ему обвинения сводились к одному: объекты, построенные под его командованием, сданы с умышленными грубейшими отступлениями от технологических норм. Он пытался доказывать абсурдность таких выводов, говорил о государственных комиссиях принимавших объекты. Кияшко невозмутимо задавал прежние вопросы. Ян Семенович требовал назначения компетентной проверки. В ответ - унижающий смех. В одну из ночей Адамсон с ужасом понял, почему застрелился Гамарник. Это не было малодушием - Гамарник знал, какие издевательства ждут его...

Адамсон продолжал жить верой в правду, в справедливость, за которую сражались и за которую умирали его товарищи. Только дважды его уверенность поколебалась. Первый раз, в ноябре, когда от следователя узнал, что в Москве расстрелян командующий Особой Дальневосточной армией Блюхер. И еще через полгода, когда услышал о гибели маршала Егорова. Этих людей он знал лично, как впрочем, и многих, кого уже не было в живых. Только через много лет Ян Семенович узнал правду: Блюхер не был расстрелян. Его забили на допросах...

Когда в очередной раз его вели по коридору в кабинет Кияшко, он впервые почувствовал, как останавливается сердце. И было от чего: навстречу ему, в сопровождении конвоиров шла Августа. Так он узнал об аресте жены. Не знал только, что арестована она была на другой день после него и сидела через две камеры.

Потом о нем "забыли". На год. Каждую ночь он ожидал скрежета замка. И каждая ночь казалась последней. Это была пытка забвением.

Он снова выжил.

В январе сорокового его и еще нескольких офицеров неожиданно вызвали, выдали форму, деньги, проездные документы и отвезли на вокзал. На вопрос о жене промолчали. Он долго и мучительно думал, почему их освободили. Только спустя время, уже в Москве, встречая таких же, немногих, узнал: где-то на самом верху решили, что армия может остаться без кадров. А война была у порога. Но освобождение не значило полной реабилитации, и он поймет это, когда документы о присвоении ему звания генерала, в очередной раз, вернутся перечеркнутые красным карандашом...

В мае сорокового Адамсон был назначен командиром дивизии.

22 июня 1941 года его 112 стрелковая приняла первый бой на Западной Двине у станции Дретунь. Сдерживая натиск штурмовой дивизии СС и пехотной дивизии вермахта, солдаты стояли насмерть, давая возможность отойти армейским частям. Остатки дивизии он вывел из окружения...

Четыре года сражений, встреч со смертью, и все четыре года он ничего не знал о жене.

Только после войны он нашел Августу, и они поехали в родную Латвию. За многие годы, жена вздохнула спокойно - теперь они вместе...

В шестьдесят втором Августа Яковлевна уговорила мужа поехать в Киев, посмотреть, каким он стал после восстановления. Потом он долго укорял себя: зачем согласился, думали же ехать отдыхать на рижское взморье.

Как до войны блестели золотом купола лавры. Улицы сияли политым асфальтом и сочной зеленью каштанов. Киев был великолепен. Только кое-где во дворах еще стояли разрушенные войной здания...

В последние дни отпуска, выходя из магазина на Крещатике, они столкнулись с молодежьим полковником. На кителе отсвечивали три ряда орденов. Августа тихо охнула и чуть слышно прошептала:

- Кияшко...

Полковник резко обернулся, и потому, как дернулось его лицо, Адамсон понял: узнал. В поезде Августе стало плохо, она то и дело повторяла:

- Почему? Почему?

Он понимал, что осталось недосказанным...

Врачи, лечившие ее в Риге, были единодушны; сильнейшее нервное потрясение. Адамсон знал: это прошлое, о котором они старались не вспоминать, вернулось к ней новыми муками.

Через год она умерла...

Свет настольной лампы выхватывает из темноты письменный стол. Аккуратными стопками лежит бумага, письма, фотографии. За столом седой старик. Сухая, чуть дрожащая рука, держит ручку. Ложатся на белый лист строки статьи в «Каховскую правду»: "Легендарная, в бронзе, тачанка. Сей вечных памятник тем, кто в бурном 1920 громил врагов..." Он пишет быстро словно боится не успеть. Надо рассказать все, что видел, что пережил, а времени остается все меньше и меньше, уходят из жизни старые боевые товарищи.

Он пишет воспоминания о Комсомольске, отбирает фотографии, Один снимок долго держит в руках. Молодой юноша в белой рубашке с галстуком: это он сам в далеком тринадцатом. Единственная фотография в гражданской одежде...

Ноябрьским утром 1968 года полковник в отставке Адамсон вышел на улицу и сделал всего несколько шагов...

Друзья сказали: "Он умер, как подобает солдату - стоя!"

* * *

В книге «Ледокол» Виктор Суворов (В. Резун) пишет о том, как в преддверии Великой Отечественной войны из лагерных заключенных формировались армейские части, так называемого Второго стратегического

эшелона. Эти части фактически сдержали яростный натиск германских армий, позволив, где это было возможно, кадровым частям отойти без существенных потерь. Военнослужащие этих частей были одеты в отличную от кадровых частей Красной Армии форму – она была черного цвета. Гитлеровские солдаты и офицеры, первое время не могли понять, что за части противостоят им. Разбирая состав одной из армий, В. Суворов пишет: «В этой армии две дивизии очень черные, явно из «лесорубов», но и командиры из той же среды: 112-я стрелковая – комбриг Я. С. Адамсон, 174-я – комбриг А. И. Зыгин».

ОДИН ИЗ ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ

Иван Корбуков

В июне 1944 года начальник мюнхенского полицейского управления направил в Берлин донесение о раскрытии подпольной организации советских военнопленных и немецких антифашистов. Он писал, что в Баварии с конца 1942 года действовал Антинацистский немецкий народный фронт (АННФ) и Братское сотрудничество военнопленных (БСВ).

К тому времени в Главное имперское управление безопасности уже поступили сообщения о раскрытии подпольных групп в Карлсруэ, Гамбурге, Лейпциге, Кельне, Ганновере и других крупных городах. Оказалось, что около двух лет в Германии существуют организации советских военнопленных, активность которых стала носить «характер партизанских операций». Масштабы действий подпольщиков стали настолько велики, что шеф гестапо Генрих Мюллер был вынужден создать специальный отдел по расследованию деятельности и связей БСВ...

Село Петровское на Смоленщине. Обычное, ничем не примечательное, каких в России не перечесть. Жила в нем семья Корбуковых: отец, мать и шестеро детей. Самого старшего звали Иван.

После окончания семилетки колхоз направил Ваню Корбукова учиться в Ленинград. Перед отъездом отец сказал:

- Что ж, сынок, поезжай. Говорят, ты способный. Мы, пока не старые - поможем. Жирным не будешь, но и с голоду не помрешь.

Мать долго стояла на крыльце и смотрела вслед сыну. Ваня оборачивался и махал рукой. Таким он и запомнился ей: в выгоревшей рубахе, русоволосый, с грустной улыбкой.

- Господи, храни его, - шептала она, как шепчут все матери, провожая детей в дальнюю дорогу...

В Ленинградском учетно-экономическом техникуме Иван проучился год. В тридцать четвертом объявили новый призыв на Дальний Восток. Среди группы студентов, толпившейся у дверей горкома комсомола, был и он. В просьбе поехать на Дальний Восток им отказали. На следующий день он пошел снова. И на следующий...

Через неделю Иван прибежал в общежитие и стал собирать вещи. Увидев недоумение товарищей, засмеялся:

- Все, братцы, выходил, еду строить Комсомольск-на-Амуре. Приеду на место, напишу....

Ему только исполнилось шестнадцать.

Но писать было некогда. К вечеру, валясь от усталости, он добирался до барака и, уже засыпая, сбрасывал разбухшие от воды ботинки. Он научился корчевать тайгу, тесать бревна и трамбовать ногами раствор.

Ивану представлялось, что новый город будет похож на Ленинград, с такими же широкими проспектами и большими зелеными парками. Наверное, потому, что других городов он просто не видел.

Летом 1936 года его вызвали в городской комитет комсомола.

В кабинете было многолюдно. Секретарь горкома подошел к Ивану, пожал руку и, повернувшись к военному, стоящему у окна:

- Вот, товарищ майор, это и есть Иван Корбуков.

Военный внимательно посмотрел на юношу:

- Давайте знакомиться. Я – военный комиссар Комсомольска. Горком комсомола рекомендует вас для поступления в военное училище.

Предложение было неожиданным, и Иван не знал, что ответить.

- Подумайте, - продолжал майор, - неволить не будем. Знаем, что на стройке каждая пара рабочих рук на вес золота. Принимайте решение, на раздумье у вас сутки.

Через два дня с комсомольской путевкой в кармане и вещевым мешком через плечо Иван Корбуков поднялся по трапу старенького парохода и долго не уходил с палубы. Берег, ставший за два года родным, медленно удалялся. Река повернула за пиванские сопки и скрыла знакомые очертания.

Зимой 39-го выпускник Ярославского военного училища лейтенант Корбуков принял первое боевое крещение в финской войне, на прорыве «линии Маннергейма»...

Летом 1941 года, воинская часть, в которой служил Иван, попала в немецкое окружение. Бойцы пытались с боями вырваться из вражеского кольца. Почерневшие от усталости, израненные, потерявшие чувство страха к смерти, они страшились одного - плена. Плен означал предательство. Но был и предел человеческим силам...

Под Черкесском остатки части напоролась на вражеские заслоны. Патронов уже не было, и они бросились врукопашную. Гитлеровцы не стреляли, прикладами сбивали с ног голодных, обессиленных русских и били сапогами... Через, сутки несколько бойцов бежали из сарая, где их держали немцы. Среди бежавших был Иван Корбуков. Вторично его взяли в Черкесске, в облаве. От лагеря военнопленных его спасла гражданская одежда, которую ему дали сердобольные жители маленькой деревеньки, да отросшие волосы. Вместе с захваченными в облаве горожанами его затолкали в вагон поезда и отправили в Германию. Там Иван оказался в Мюнхене, в лагере для «восточных рабочих».

Постепенно в Германии стала ощущаться нехватка рабочих рук. Гражданских пленных стали использовать на промышленных предприятиях.

На заводе, куда их строем водили на работу, к Ивану подошел седой изможденный человек:

- Мы давно за тобой наблюдаем...

От этого человека Иван Корбуков узнал о существовании Братского сотрудничества военнопленных, созданного советскими военнопленными офицерами. Им была нужна связь с немецким подпольем. Помочь в этом сложном и опасном деле мог кто-то из «восточных рабочих», которым по специальным пропускам разрешали выходить в город. Свой выбор они сделали на Корбукове. Во многом потому, что Иван был кадровым офицером.

Среди «восточных рабочих» таких были единицы. И еще, Ивану легко давался немецкий язык.

Только после войны станут известны имена создателей Братского сотрудничества военнопленных: майор Карл Озолин, полковник Михаил Тарасов, майор Михаил Конденко, батальонный комиссар Павел Серебряков. Из архивов гестапо выяснится, что задачи БСВ выходили за рамки простой помощи людям, оказавшимся в плену. Их деятельностью были: организация саботажа и диверсий на предприятиях промышленности, сбор разведывательной информации и передача ее Красной Армии, вооружение участников организации и подготовка восстания, намеченного на время перехода Красной Армией и союзниками границ Германии.

Когда гестапо начнет аресты активистов, в одном из лагерей уже будет создан боеспособный батальон, в других они создавались... По признанию гестаповцев, Братское сотрудничество «в ближайшем будущем наверняка приняло бы для германской империи опасные размеры»...

В августе 1943 года в подсобном помещении Мюнхенского ботанического сада состоялась конспиративная встреча представителей лагерей «восточных, рабочих». Здесь был образован Совет БСВ. В его состав вошел человек, которого знали под псевдонимом «Кречет». Через месяц «Кречет» стал во главе Высшего Совета БСВ. Под этим псевдонимом скрывался Иван Корбуков.

В короткий срок Совет установил связь с Антифашистским немецким народным фронтом. Немецкие друзья помогали доставать оружие, укрывали и снабжали документами тех, кому удалось устроить побег.

Погожим осенним днем на окраине Мюнхена в Фрейманской роще собрались активисты Братского сотрудничества и представители лагерей «восточных рабочих». Как они добирались, какие использовали документы – неизвестно. Но они пришли. В роще стояла тишина, только шелестели под ногами опавшие листья, да ветер качал верхушки деревьев. На середину поляны вышел Иван Корбуков:

- Товарищи, друзья, поздравляю вас с двадцать шестой годовщиной Великого Октября!

Мужественные, не сломленные люди плакали, не стыдясь своей слабости. Они стояли расправив плечи и вполголоса пели. Это было 7 ноября 1943 года, в центре Германии, когда до победы оставалось пятьсот семьдесят дней.

В феврале сорок четвертого гестапо вышло на подпольную организацию. Начались повальные аресты.

Друзья из немецкого Сопротивления предложили Корбукову скрыться. Но он отказался, надеясь спасти от ареста кого еще было возможно и, по длинной цепочке подполья, переправить к партизанам в Альпы. Он остался, понимая, что почти наверняка обрекает себя на смерть.

Счет дням был потерян. Мюнхенское гестапо работало круглые сутки. Скрежет дверных засовов, топот кованых сапог по коридору, крики конвоиров.

Руководителей Братства держали отдельно. Иван знал: где-то рядом за стеной сидят его товарищи. Пытался перестукиваться. Никто не отвечал. Потом у него уже не было сил дотянуться до стены — перебитые руки не слушались. Только один раз, когда его в очередной раз волокли по коридору в «допросную», он увидел Карла Озолия. Тюремщики катили окровавленного майора на тачке.

Иван очнулся от непонятного шороха. Была ночь, и он с трудом различил в углу камеры человека.

- Кто вы?

Ему не ответили. Иван повторил вопрос по-немецки. Человек зашевелился, и до Ивана донесся испуганный голос:

- Я - голландец... Меня арестовали вчера...

Иван не знал, кто перед ним — враг или друг. Но понимал, что другого случая может не представиться.

- Подвиньтесь ближе.

Голландец подполз.

- Слушайте, — прошептал Корбуков...

Через несколько дней всех советских офицеров отправили в концлагерь Дахау...

11 января 1946 года в зале суда в Нюрнберге, где заседал Международный военный трибунал, свидетель Франц Влаха, чешский врач и узник Дахау, рассказал, как 4 сентября 1944 года в концлагере у стены крематория были расстреляны 92 советских офицера. Их тела фашисты сожгли. Все они были членами Братского сотрудничества военнопленных.

А в ноябре сорок пятого советскому послу в Гааге голландский гражданин Ахтерхойс передал письмо: «Послу СССР в Нидерландах. Ваше превосходительство! Исполняю последнюю просьбу русского лейтенанта Ивана Корбукова. Он вместе со мной провел последние дни в камере № 17 тюрьмы гестапо на Бреннерштрассе в Мюнхене. Иван Корбуков так же, как и

я, был обвинен в шпионаже. Гестаповцы и СД сильно истязали его. За два дня до казни он просил меня сообщить его семье, его матери, что он умер за Россию. На допросах он не проронил ни слова. Так как я не умею писать по-русски, я обращаюсь к вам, Ваше превосходительство, в надежде, что вы исполните его последнюю просьбу».

Посол направил письмо в Москву. В Министерстве обороны подняли личное дело старшего лейтенанта Ивана Корбукова и вычеркнули запись – «Пропал без вести»...

ТРИ ДНЯ ГЕНРИ УОЛЛЕСА

Генри Уоллес

Война откатывалась на Запад.

Сводки Совинформбюро подробно освещали события на фронтах: «Войска 3-го Украинского фронта освободили Одессу. Отдельная Приморская армия перешла в наступление на Керченском полуострове. Советское правительство предъявило Румынии условия перемирия».

До Крымской конференции глав держав антигитлеровской коалиции был еще целый год, но взоры политиков уже обращались на Дальний Восток: там прозвучат последние залпы второй мировой войны...

13 апреля 1944 года военный корреспондент ТАСС и связной Коминтерна при ЦК Компартии Китая Петр Парфенович Владимиров записал в своем дневнике: «Американцы объявили о предстоящей поездке вице-президента США Генри Уоллеса в Чунцин. По мере разгрома фашистской Германии центр политической и военной активности будет смещаться на Восток. Уоллес — первое серьезное свидетельство тому».

Генри Эгард Уоллес был вице - президентом в третий срок президентства Франклина Д. Рузвельта, совпавшим с самым кровопролитным периодом мировой войны, когда на полях Страны Советов решалась судьба всего

человечества. Уоллес был приверженцем курса президента и сторонником развития отношений между США и СССР.

8 июня в дневнике П. П. Владимировна появилась еще одна краткая запись: - Генри Уоллес направляется в Чунцин через СССР».

Она была сделана с некоторым опозданием...

22 мая с военного, аэродрома в Анкоридже на Аляске поднялся «Дуглас С-47» с вице-президентом и членами делегации на борту. Маршрут был выбран наиболее безопасный и проторенный: Аляска — Анадырь — Сеймчан и дальше через Якутск, Красноярск... Этим маршрутом советские летчики перегоняли поставляемые по «ленд-лизу» американские истребители «Айркобра». Своим ходом. Прямо на фронт.

Может быть, поэтому в пилотской кабине «Дугласа» сидели советские пилоты. Руководил полетом прославленный полярный летчик, знаток северных и дальневосточных трасс Герой Советского Союза Илья Павлович Мазурук.

Но маршрут полета Генри Уоллеса несколько отличался от предыдущих. От Сеймчана самолет пошел не на запад, а повернул на юг...

Молодую литературную сотрудницу городской газеты «Сталинский Комсомольск» Тамару Бородину ночью разбудил стук в дверь. У подъезда, урча мотором, ожидала «эмка».

В большом прокуренном кабинете ее встретили. Предложив Тамаре сесть, человек прошел за письменный стол. С минуту молчали. Потом он спросил:

- У вас есть красивое платье?

Вопрос был неожиданным. Она растерялась: красивого платья у нее не было. Да, и откуда ему взяться, если донашивались сшитые еще до войны.

- Завтра утром... - он посмотрел на часы. - Вернее, уже сегодня получите по этому адресу. Выберите, какое посчитаете нужным... для приема иностранных гостей. - Протянул Тамаре листок. - Послезавтра в Комсомольск прибывает американский вице-президент Генри Уоллес. Будете встречать.

- Почему именно я? - испуганно спросила Тамара. - Я не знаю английского!

- Я тоже, — усмехнулся военный, - но вы знаете немецкий и французский, это лучше, чем ничего. К тому же, вице - президент, как выяснилось, хорошо говорит по-русски.

Утром она выбрала черное шелковое платье.

Трудно представить, каким тогда был Комсомольск-на-Амуре. Разве только по фотографиям. Долго всматриваясь в них, узнавать изменившиеся улицы, видеть дома, которых сейчас уже нет...

Город был красив. Пусть и не устроен до конца (кто знает, когда может быть устроен постоянно растущий город), с деревянными тротуарами, с бегающей по узким рельсам «кукушкой», зарослями орешника за Политехническим техникумом, куда уходили студенты готовиться к экзаменам.

Была весна. Распустившиеся деревья и прохладный ветер с Амура наполняли город ароматом тайги...

Гостиницы в городе не было, и для высоких гостей освободили две квартиры в пятиэтажном доме на углу улиц Пионерской и Орджоникидзе. За час до их приезда заместитель председателя горисполкома Лев Качаев и Тамара Бородина зашли посмотреть - все ли готово. Девушки, прибивавшие квартиры, все сделали отлично и даже (встречать, так встречать!) прицепили на фикусы маленькие бумажные розочки. Тамара, улыбнувшись, чтобы не обидеть девушек, попросила их убрать.

У подъезда остановилась вереница машин...

Генри Уоллеса сопровождала группа военных и личный секретарь Олсоп. Вице-президент, невысокого роста, худощавый, выглядел моложе своих пятидесяти шести. Энергичный, быстрый в движениях, он, наскоро позавтракал и поехал знакомиться с городом. И первое, что увидел: люди плохо одеты. Ему не стали возражать, не стали ничего объяснять. Дипломатично промолчали. Только Лев Качаев не удержался и, улыбаясь, сказал:

- Приезжайте к нам в гости лет через пять—десять...

Уоллес понял, что осталось недосказанным...

Его привезли на судостроительный завод. На стапелях, готовые к выходу, стояли корабли. Он смотрел. Восторгался.

На «Амурстали», узнав, в какие сжатые сроки возведен завод, он долго и восхищенно что-то говорил усердно писавшему в маленьком блокнотике Олсопу.

От них не скрывали, что мы живем еще плохо, бедно, что у нас не все получается, не хватает рабочих рук. Но с гордостью показывали, как могут работать люди — не за деньги, не за хлебные карточки, а за совесть, за веру в победу.

Выехав из ворот авиационного завода, Уоллес вдруг попросил остановить машину: сразу за проходной раскинулись огороды, на которых сажали картошку. Старуха в старой плюшевой кофте, разбитых кирзовых сапогах копала лопатой землю. Она была одна на этом большом поле. Уоллес подошел к ней и, вежливо поздоровавшись, спросил:

- Что ж вы одна, бабушка? Почему никто не помогает?

Старуха удивленно посмотрела на него: - Да ты что, мил человек, с луны свалился? Все уже посадили, а я малость прихворнула... А помогать-то некому. Людям в заводе работать надо, а картошечку я как-нибудь сама, чай, не помру.

- А муж, дети у вас есть?

- Старика-то я схоронила, а сынков двое, на фронте... Где ж им еще быть... Вот ты, мил человек, по виду начальник, скажи, скоро ль мериканцы второй фронт откроют? Талдычат, талдычат, а сами ни с места. Глядишь, и детки мои вернутся быстрее.

Вряд ли Уоллес знал значение русского слова «талдычат», но смысл его понял. Он повернулся и подозвал Олсопа. Тихо, чтобы не слышала старуха, что-то сказал ему. Тот подошел к своим офицерам и пригласил их сесть в машину. Заводские ворота открылись. Минут через десять машина вернулась, и офицеры вытащили из нее лопаты. Уоллес, ни слова не говоря, взял одну и стал копать бабкин огород. Что было делать остальным?..

Когда вице - президент уехал, из проходной вышел охранник и, улыбаясь, сказал старухе:

- Поздравляю тебя!

- С чем, праздника-то вроде нет? - удивилась она.

- Со вторым фронтом поздравляю, - он засмеялся. - Огород тебе сам вице-президент американский копал.

- Ах ты! - всплеснула она руками. - То-то, я смотрю, он лопату держать не умеет...

Второй фронт, настоящий, которого все ждали, был открыт через неделю.

На следующий день вице-президент улетал. Он произнес торжественную речь о дружбе советского и американского народов, пожелал скорой победы и вечного мира.

Прощаясь с Уоллесом, Тамара Бородина не удержалась и по-английски произнесла:

- Гуд бай. Би хэппи. (До свидания. Будьте счастливы). Уоллес повернулся к Олсопу и по-французски сказал:

- Вы были правы. Русские не так просты, как кажутся. Даже наша очаровательная хозяйка скрывала, что знает английский язык.

Олсоп не успел ответить. Тамара, чуть смущаясь, негромко добавила (уже на французском!) :

- Простите, господин вице-президент, но это единственная фраза, которую я выучила специально к вашему отъезду.

Уоллес громко рассмеялся:

- В который раз убеждаюсь, что русские большие любители сюрпризов.

Прощание закончилось. Американцы уехали на аэродром к ожидавшему самолету.

В опустевшей квартире остались Тамара и Лев Качаев. Телефонный звонок раздался неожиданно. Качаев взял трубку. Разговора Тамара не слышала, но видела, как стало бледнеть его лицо и на лбу выступили капли пота.

- Что случилось? - спросила она встревоженно.

Он махнул рукой — молчи, мол, и охрипшим голосом сказал в трубку:

- Найдем. Сейчас же.

Положив трубку, Качаев устало опустился на стул:

- Этого нам и не хватало! - достал носовой платок, вытер лоб. - Ты знаешь, Тамара, что такое международный скандал? Я тоже, представь себе, не знаю, но теперь узнаем. У Генри Уоллеса пропали папки...

- Какие папки?

- А черт знает, видел я их что ли. Наверное, секретные. Может, пропали, а может, забыл в спешке...

Они перевернули всю квартиру, но папок нигде не было. Не зная, что делать, Тамара и Качаев испуганными глазами оглядывали комнату...

Зазвонил телефон. Качаев умоляюще посмотрел на Тамару:

- Возьми ты.

Тамара подняла трубку и, стараясь удержать волнение, тихо сказала:

- Слушаю?..

В трубке раздался бодрый голос:

- Отставить искать папки! Тут у нас моторы сильно шумели, не слышали сразу. Оказывается, вице - президент забыл тапки.

- Что?!

- Тап-ки!..

Так закончилась история с приездом в Комсомольск-на-Амуре вице - президента США Генри Уоллеса. Он полетел дальше через Новосибирск, Алма-Ату - в Китай.

Вернувшись домой, он настойчиво продолжал политику сближения с Советским Союзом. Но времена уже менялись. Не дожив до Победы, умер президент Франклин Делано Рузвельт. Президентом Соединенных Штатов стал Гарри Трумэн. Тот самый Трумэн, который на третий день нападения Гитлера на Советский Союз в интервью газете "New York Times" сказал: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя мне не хочется ни при каких обстоятельствах видеть Гитлера в победителях. Никто из них не думает выполнять свои обещания»

У Генри Уоллеса было много врагов, считавших его опасным радикалом и чуть ли не сторонником коммунизма. В 1948 году он создал новую, прогрессивную партию и выдвинул свою кандидатуру на пост президента. Его предвыборная кампания проходила под лозунгами разоружения и уничтожения запасов ядерного оружия.

Он проиграл.

Большая политика Америки круто повернула на сто восемьдесят градусов. Начиналась эпоха Холодной войны.

К власти пришли те, кто не хотел вместе с нами копать один огород...

...

В этой истории ничего не выдуманно. Мне рассказала ее Тамара Николаевна Бородина, поэтесса, переводчица, журналист. Светлая ей память.

Я благодарю всех, кто помогал мне собирать материалы о людях оставивших свой след в истории нашего города.

Хочу верить, что молодые исследователи истории Комсомольска-на-Амуре обязательно напишут

об Александре Блэке – инженере, архитекторе, чей нестандартный подход, позволил построить судостроительный завод там, где он стоит и по сию пору;

о Павле Сафонове – строителе авиационного завода, ставшем дипломатом, в послужном списке которого были Китай, Таиланд, Австралия, Канада;

об Эдди Рознере – джазовом трубаче, дирижере и композиторе

и о русском поэте Николае Заболоцком, чьи жизненные пути не по своей воле, но пересеклись с Комсомольском-на-Амуре;

об актере, режиссере, драматурге и писателе Геннадии Малышеве, чей талант в полной мере раскрылся в нашем городе.

И еще о многих и многих людях, чьи судьбы вошли в историю города, какой бы эта история ни была...

Содержание

От автора	1
ПЕРВЫЙ ГОД	
Иосиф Каттель	2
НЕ ПОМРАЧАЯ ЧЕСТИ СОСЛОВИЯ	
Владимир Пендрие	13
ОТЕЦ И СЫН	
Ллойд Паттерсон	22
КОМБРИГ	
Ян Адамсон	29
ОДИН ИЗ ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ	
Иван Корбуков	41
ТРИ ДНЯ ГЕНРИ УОЛЛЕСА	
Генри Уоллес	47